

Заведующий
художественным отделом
Псковского музея-заповедника
Селиверстов Ю.А.

Псковская губерния. №33 (555), 31 августа – 6 августа 2011

URL: http://gubernia.media/number_555/06.php

Абсолютный город

«Митьки» привезли в Псков тайну Петербурга, прорывающую обыденный круг земной несвободы.

Выставка «Митьки в Пскове 2011» из цикла передвижных экспозиций этого творческого объединения «Остановки по требованию» является продолжением и развитием предшествовавшей выставки «Митьков», которая прошла в Приказной палате Псковского Кремля осенью 2008-го – без малого три года назад. Кому-то такой срок расставания мог показаться недостаточным, чтобы испытать горечь разлуки. Но три года – период, подчас определяюще большой для художника, его творческой судьбы. Искусство «Митьков», их стиль не стоят на месте. Сегодняшняя экспозиция почти не имеет в своём составе работ, побывавших в Пскове в 2008 году.

Выставка «Митьков» ценна для нас уже самим своим фактом – тем, что она хоть немного преодолевает привычный голод на актуальное искусство, мертвящий Псков.

Творческое объединение (а скорее – широкое движение художников) «Митьки» существует уже более четверти века. В наши дни оно целостно не столько общей эстетикой (пониманием красоты и отношением к отображаемому миру) сколько, в первую очередь, общим предметом отображения. В предыдущей статье, посвящённой «Митькам» [1], мне

пришлось уже говорить о Санкт-Петербурге как о центральном лирическом герое всего их творчества. Город остаётся для многообразных авторов универсальным «вторым Я» – тем зеркалом, в которое неустанно в поисках самих себя глядятся художники.

При мысли о Петербурге мы в первую очередь должны понять, что и после 1918 года (и в XXI веке, уже в наши дни) он в полной мере сохраняет и нераздельно несёт в себе достоинство священной русской столицы. Разговор в пределах указанной темы возможен долгий и такое утверждение требует, конечно, достойного обоснования. Но дело обстоит так хотя бы потому, что именно в Петербурге (не где-нибудь), совершилась Русская Революция как центральное событие отечественной и мировой истории. Россия погибла здесь – и здесь же она, по-видимому, имеет надежду воскреснуть (невзирая ни на какую «областную судьбу»).

Сегодняшние «Митьки» острейшим образом чувствуют поэтический нерв Петербурга – его несмолкающую вибрацию, в стальную невскую глубину простёртые корни. Живая связь с великой и для русского человека абсолютно значимой культурной традицией – вот базовое преимущество нынешней жизни в Северной Столице: её повседневная неотменимая данность. Это возможно для всякого человека. Это в сто раз вернее для художника.

Эстетически чуткий субъект не может, находясь в Санкт-Петербурге, не ощущать себя внутри некоего произведения искусства – огромного, стройного и единого. Да, произведение это настолько совершенно, что уже стало живым (преодолело косность своего материала). Но оно проникнуто жизнью более высокой, качественной и густой, нежели «простое» природное (естественное) бытие всех прочих городов России, да и мира – включая Москву (или хоть Псков). Эти традиционные города появились и выросли «самовольно» – то есть просто, неприметно и естественно. Так вырастает дерево, так прокладывает себе дорогу веер речных протоков... И лишь благословенный, блаженный Петербург был изваян словно статуя, замыслен и скомпонован точно классическая картина!

Самое же привлекательное в Петербурге, вызывающее острый интерес – это именно момент окаменевшего противоречия сверхчеловеческой Воли и плана с непреодоленной до конца природной необходимостью. «Митьки», живописуя и поэтизируя маргинальные задворки парадной столицы, прослеживают ту грань, которой достиг, но которую не смог перейти воображаемый сверхчеловеческий Художник – надвременной создатель Санкт-Петербурга. В этом контексте личность Петра Великого титанически значима для них, безмерно важна.

В моём предыдущем тексте [2] я дерзнул проследить связь «Митьков» с темой древнерусского юродства и даже с образом Святой Блаженной Ксении Петербургской – этого предвечного и самого яркого (реального) «Евгения бедного» русской истории. (Ксения Петербургская, подобно Евгению в поэме А. С. Пушкина «Медный Всадник», была сметена, подавлена и гонима обиденным, рассудочным Санкт-Петербургом, который в этой своей ипостаси воплощал, по-видимому, весь посясторонний космический миропорядок – неумолимое стремление времени и необходимость индивидуальной человеческой смерти, например).

Сегодня уместно отчётливее увидеть несомненную духовную связь «Митьков» не только со страдательной (претерпевающей) стихией Петербурга и русской истории в нём, но и с его творческим, волящим и созидательным началом (пускай иррациональным).

Трудная карма Петербурга – связанная, по-видимому, с жертвами при его основании, с «государства жёсткой порфирой» [3], подавлявшей человеческую свободу, с ужасом революции и блокады – в наше время часто предстаёт преодолённой и высветленной (возможно – безропотным земным страданием миллионных жертв).

Но для живописцев «Митьков» более важен не торжествующий, солнечный и парадный образ Петербурга, не ликование его, но, скорее, сумрачный вечер – мерцающее электрическими огнями безмолвие, сырой

морозный туман. Живописцу Светлане Баделиной дано проследить эти аспекты в образе Города как мало кому другому.

Даже Белые ночи – казалось бы, этап «вечного света», уже на земле самой природой предписанный Петербургу – трактуются «Митьками», по преимуществу, как вечные сумерки (Андрей Филиппов), прорываемые из глубины не прекращающимся многозначным мерцанием русского символизма.

Глубокая и тесная связь с духом Петра I, навсегда осеняющим учинённый им Город, «Митьками» полностью осознана, неформальна. В момент вернисажа мраморный бюст императора работы М. М. Антокольского (1843-1902), горделиво «охраняющий» свысока музейный вестибюль, был (конечно, на минуту!) собственноручно облачён Дмитрием Шагиным в специально заготовленную сине-белую полосатую хламиду – в символический «тельник», всех согревающий и всё укрывающий, соприродный «Митькам» всех времён. Полосатая роба эта с неизбежностью воспринимается в какой-то момент как знаковое одеяние тайного ордена (монашеского и рыцарского одновременно). Она же – лагерная и больничная «пижама», античная тога и даже, может быть, саван...

Разухабистая фольклорная тельняшечка не хуже священнического облачения способна вырвать из обыденности, из размеренного и, казалось, безмерно прочного круга земной несвободы. Всепоглощающая, всё проникающая мистика Петербурга – вот, несомненно, главная (единственная) тема «Митьков».

Выставка, развёрнутая в лучшем (наиболее светлом) зале музейного здания бывшей художественно-промышленной школы им Н. Ф. Фан-дер-Флита, глубоко интересна не только тем, кто любит Петербург, а вместе с ним – всю невыразимо и горько прекрасную русскую культуру и историю Нового времени, но также и всем, кто просто ценит искусство живописи в неисчерпаемости его современных проявлений.

1. См.: Ю. Селиверстов. [Ударим юродством по гламуру!](#) // «ПГ», № 46 (415) от 19-25 ноября 2008 г.
2. [Там же.](#)
3. ...А над Невой - посольства полумира,
Адмиралтейство, солнце, тишина!
И государства жёсткая порфира,
Как власяница грубая, бедна. (О. Э. Мандельштам. «Петербургские строфы», 1913, 1927).